

Алексей
Мехонцев

Устремление

Стихи

Шадринск
1997

ББК 84Р7—5

М55

Мехонцев А. А.

Устремление. Стихи. — Шадринск: ПО
«Исеть», 1997. — 84 с.

Автор выражает признательность за душевное участие в издании данной книги:

Бритвину А. М. — нач. отдела культуры, председателю Шадринского Движения за культурное возрождение.

Некозыреву В. П. — директору ШТПО «Исеть», сотрудникам типографии.

А также сердечно благодарит за финансовую поддержку:

Воротникова В. П., Грехова А. И., Глуханова Г. В.

Низкий вам поклон, дорогие земляки!

ISBN 5—7142—0186—8

© А. А. Мехонцев, 1997.

ИЗВЕЧНАЯ ЗАГАДКА РУССКОЙ ДУШИ

В подавляющем большинстве мы приземлены, затурканы жизнью и видим мир преимущественно в черно-белом изображении, и только в минуты высоких эмоциональных порывов или духовного озарения замечаем — а он, оказывается, цветной, живой, разноголосый!

Для Алексея Андреевича Мехонцева, нашего земляка из Верхней Полевой, состояние гармонического слияния с природой, настрой на сотрудничество с прекрасным, — естественное состояние души. И эта напряженная духовная работа открывает в нем все новые и новые возможности для самовыражения.

В суете наших серых будней, наверное, кто-то обратил внимание на витрины магазина «Книжный мир», где выставялась экспозиция Алексея Андреевича Мехонцева — это акварели, графика, фигуры из глины. Все эти экспонаты шадринский художник выставял к Дню города с одним горячим желанием, — чтобы люди остановились на миг, посмотрели на мир незашоренным взглядом, чистым и восхищенным. Пожалуй, такими распахнутыми в мир глазами видит его наш талантливый земляк. А ведь жизнь его отнюдь не безоблачный путь художника, не усыпан розами...

Родом Алексей из здешних мест, детство

прошло в деревне. Именно в отчем доме впитал он любовь к земле, ко всему живому, вот откуда этот образный, живой и сочный язык. Видно, предки Алексея Мехонцева были не только богатырского сложения (что тоже унаследовал Алеша) с окладистыми русскими бородами, но и передали потомкам умение видеть мир в его неисчерпаемом многообразии. Тяга к рисованию пробивалась постепенно, как бы исподволь, сначала в автомеханическом техникуме, затем в армии, но открыться ей суждено было лишь в Свердловске, когда Алексей начал заниматься в изостудии.

Город поразил начинающего художника выставочной культурой, доступностью залов, музеев, экспозиций. Работая на заводе, Мехонцев заочно учится на художественно-гра-

фическом факультете Нижне-Тагильского института. От акварелей он постепенно переходит к пробе маслом, появилась потребность в более солидном творческом изъяснении.

В маленькой, более чем скромной квартире Мехонцевых есть так называемая мастерская (где-то два на два метра), почти до потолка наполненная картинами, этюдами, линогравюрами — тут и пробы, и искания, и находки.

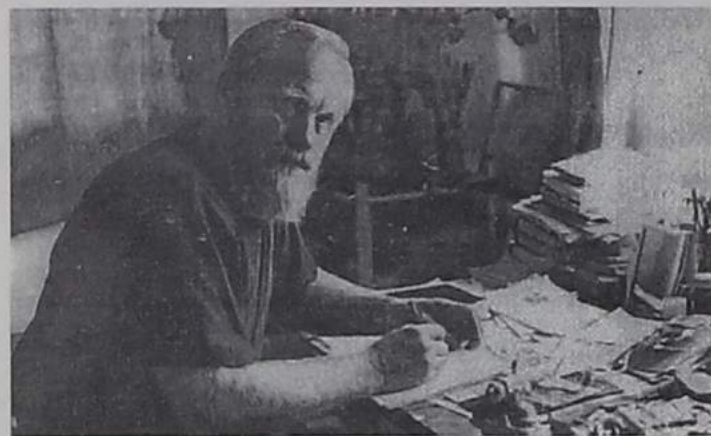
А в другой миниатюрной комнатке на стене висит портрет Алексея Мехонцева, выполненный его учителем, художником Федором Васильевичем Губернаторовым. Есть в этом портрете некая тайна, загадочность души, словно перед нами один из персонажей Достоевского, а, может, Лескова... И тайна эта потихоньку приоткрывается, когда знакомишься с творчеством А. Мехонцева. Тесновато ему стало в картинных рамках для самовыражения, теперь он в слове пытается передать гамму переполюнявших его чувств. Так появились этюды о природе, объединенные в сборник «От капли до капли». 54 новеллы, проиллюстрированные самим автором, вошли в книгу, выпущенную с помощью Шадринского Движения за культурное возрождение. Можно лишь удивляться, сколь тонко и профессионально уверенно ложатся мазки прозаической живописи из-под пера Алексея Андреевича.

Убедитесь в этом сами на примере отрывка из «Весеннего беспокойства».

«...Весенний шальной ветер беснуется вокруг. То налетает резкими порывами, рябит воду, то поднимает соломенную труху с дороги и с каким-то вызывающим озорством бросает ее в реку. Ветер прошуршит по прибрежным кустам тальника, ероша и пригибая к воде ветки с нежно-золотистыми вербочками. Пробежит по лужайке, увлекая за собой оброненное птицей перо и поднимет его на такую высоту, что оно становится едва заметным.

Облака все бегут и бегут, застилая пронзительную голубизну неба. Лишь у самого горизонта лучи солнца еще прорываются звенящими золотыми стрелами и ярко освещают дальнее село с белыми крышами, высокими тополями, что взметнули свои охристые кроны да так и застыли светлыми пятнами на фоне ультрамариновых пашен... Эти переходы от света к тени, эти постоянные изменения в природе тревожат и волнуют. От этого весеннего беспокойства где-то в глубине души вдруг всколыхнет давнее, перенесет тебя в годы юности, когда по весне возвращался в родные края».

Что тут добавить? Лишь восхищение: как подмечено, прочувствовано, облечено в звеня-

щее и святящееся добротой слово. В 1996 г. Алексей Андреевич выпустил бабушкины рассказы «Все пережили» и повесть «Дарьин покос». Но можно ли свободному, а значит в наше время нищему, художнику издать свой труд? Шадринские меценаты, помните о прекрасных традициях русского купечества, помогите таланту стать открытым людям!

Судьба с изломом была уготована художнику, были просто трагические времена — другой бы ушел в отчаяние, крест на творчестве поставил или бы так на жизнь обозлился. Восемь лет тому назад случилось в семье большое несчастье: какой-то маньяк нанес жене, возвращавшейся как-то из Ковриги, несколько ножевых ран. С тех пор Наталья Петровна почти прикована к постели. Тяжко, нестерпимо больно все это пере-

жить, но недаром в этом русском исполине есть загадка: пока пламя борения духа горит в его сердце, ему подвластно справиться с бедой, перенести это испытание. Более того, кажется, он высекает искры радости, надежды из своих испытаний. Вместе с женой они стараются морально поддерживать друг друга, ища духовную подпитку в Учении Живой Этики, в книгах Г. Сытина — все-таки слово обладает мощнейшей энергетической силой!

Открою еще одну тайну Алексея Мехонцева — он начал писать стихи. Пока для себя, но они так пронзительно сильны своей исповедальностью, философской глубиной, что время их опубликования, думается, не за горами...

И вот оно, наконец-то, пришло!

Новая книга, и вновь со своими чудными иллюстрациями, перед Вами, читатель!

А закончить предисловие хотелось бы любопытным эпизодом, произошедшим в канун 333-й годовщины Шадринска. Алексей Андреевич дарил детям свои поделки — глиняные свистульки. Эти причудливые зверушки с добрым выражением на мордочках приводили ребятню в восторг. Что побудило художника вдруг обратиться к мягкой пластике? Все та же мятежная русская душа, жажда новых ощущений и открытий, что ведет человека по пути духовного восхождения, на эверест собственной эволюции. Мехонцев из тех, кому надо идти до Звезд...

Порадуемся, что с нами такой Мастер. С виду совершенно обычный, а если присмотреться — с золотыми руками, умным сердцем и по-детски незащищенными глазами.

О. Осипова.

Фото Л. Борцова.

ПУТЬ МОЙ — ВОЛЯ ГОСПОДА

Люблю весну! Люблю ее пышное цветение, особенно, когда все ликует и радуется под солнцем, омытое первым весенним дождичком, когда все еще только начинается, как бы сама юность возвращается вновь и вновь, полная сил, здоровья, счастья и вечной красоты.

Но красота цветущей природы, как и красота юности, преходяща, быстротечна как мгновенье, которое потом вспоминается как награда, дарованная Всевышним, и которую мы порой не умеем хранить и беречь...

Вот и я пытаюсь остановить это удивительное мгновение юности природы. Работаю чаще масляными красками, но также люблю рисовать акварелью, пастелью и гуашью. Кроме всего прочего — не забываю и слово.

Люблю не только одну весну, рисую и в остальные времена года, которые тоже дают пищу для размышлений. Поэтому пейзаж больше всего преобладает в моем творчестве. Иногда пишу портреты и натюрморты.

Со временем стали приходиться и другие образы, кои я попытался выразить в серии монотипий «Аллегорические картинки», где человеческие отношения наполнены дисгармонией и несовершенством...

25. 03. 89 г.

* * *

Слово культура состоит из двух. Культ и ур. Культ — поклонение. Ур — свет. Поклонение всему светлому, всему прекрасному. Всему Божественному.

А не злу и насилию.

Надо бы всю нашу жизнь рассматривать под углом зрения культуры.

Пора ставку делать на человека творческого, созидającego, оберегающего и продолжающего культурное наследие нации. Это и будет мерилom развития общества. Только человек созидающий и творческий оставляет след в развитии земной цивилизации.

Но власть имущие да дилетанты от культуры думают иначе. Они превозносят только себя и себе подобных. Других же всеми способами стараются унижить, задавить, погубить... Или просто не замечают, не обращают никакого внимания. Как будто культуры совсем не должно быть...

22. 04. 97 г.

* * *

Красота — это совершенство. Гармония. Идеал.

Путь человека по жизни результативен только в случае устремления его к совершенству, то есть через гармонию, через нрав-

ственность, через все то лучшее, ценное, что накоплено человечеством.

В том числе и обязательно через Бога. Через Христа — Сына Человеческого — к Истине, к Любви, к Доброте и Красоте.

Устремляйтесь! И да будет вам воздано по устремлениям вашим!

1. 04. 96 г.

* * *

Будущее должно принадлежать людям устремленным. Переход от безобразного настоящего — к чистоте нравов и добрым отношениям человека к человеку будет осуществляться только через родство устремленных душ. Родственные души всегда будут счастливы своим общением друг с другом, обладающих единым положительным биополем и единым устремлением к Истине, к Любви и к Красоте.

Но много ли сейчас людей с родственными душами? Многие ли устремляются в том единственно верном направлении, которое указал Господь?..

23. 04. 97 г.

* * *

Порой так чудно!
Как на крыльях —
Так рад всему.
— Любим! — твердя.
Сосулькам — за весну!
И в небе — голубям!
И грому в полутьме,
Зигзагам молний в гуле ночи.
Минуты счастья!
... Гаснут очи,
Когда за призрак взята ложь...
Когда кинжально слово жалит.
Как выстрел злобы за полночь.
С кем радость разделить?
Иль удушить печаль свою...
Одни утехи — стих пролить.
Раз нечем горечь умалить...
Любить —
Удел молодых сердец!
Дождинки лета на стекле —
Вот это мне!
Дубравы шелест,
Дымку леса
Да неба — синих занавесок,
Да звонких красок трав
Сиянье!
Да голубые расстоянья!
Да воля ветра!

Это мне!
Кому свиданья...
И страданья...
Сирени запах по весне
Тебе и мне!
Тебе и мне!

* * *

Небо рассыплю
В глазах.
Виснут звезды тучами.
Полночь черная.
Луна.
Да мороз трескучий.
Разбросал по январю,
Как купец богатый,
Щедро дарит жемчуга
Придорожным хатам.
Дарит, дарит Дед Мороз
Всем подряд, без спросу.
Вон заре румяной воз
Позолоты бросил.
Хочешь — пригоршней бери!
Наполняй карманы!
Прячь за пазухой! Сори!
Но не верь... Обманут...
... Был богат, почти как царь —
В серебре и злате.
Вышло солнце-чеботарь —
Ты опять в заплатах...
Пусть тепло! Весна! Капель!
В нищете бредем с сумою...
Драгоценности апрель
Как года... Увел с водою...

Бабье лето

Устремленье души...
— Напиши.
— Позвони.
— Не забуду.
То ли ввысь.
То ли мимо,
Вперед.
То ли прямо
И вспять...
И по кругу.
По кругу... По кругу...
Поезд дальше летит.
Промелькнули года...
И березы.
То ли пот на губах,
То ли горькие, горькие слезы...
То ли крови горячей
Безумство.
То ли сладость
Тревог.
От случайного взора...
То ли жар
Беспокойного пульса.
Не успеет,
Ох, не успеет.
Спасти от позора.
И накроет холодной волною.
Тут и старость,

И радость!
И взор с теплотою...
Стрелы позднего
Нежного взрыва.
Голос светлый и мягкий.
Счастливый...
Позабудешь все мигом
Обиды.
Сияет солнце сентября.
Аж припекает!
Лето вроде.
Но это «бабье лето».
И все зря.
Миг улетает.
Все проходит...

14.11.55. ММ.

Листопад

Зажелтели осенние клены
Цветом охристым и лимонным,
Ветер лист отрывает
Память-книгу листаёт.
То назад замелькают страницы,
Улетая пожухлою птицей.
То вперед — за кленовым листом.
То вернется опять. Нет не спится...
И "стареет" луна над соборным крестом.
Одиночество черное давит.
Темной ночью по сердцу скребет...
И забыт и оставлен...
Без надежды...
На счастье...
На взлет...
Лист осенний шуршит под ногою,
Навевая вселенскую грусть.
Листопад, листопад надо мною.
Я отринут судьбою...
И пусть...
Ветер рвет и терзает листочки,
Разметая костер золотой.
Черный кот на пути.
На дорожке.
Как назло.
Не везет...
Хоть ты вой.

Предосеннее

Вновь мальчики и девочки
Гуляют как весной.
Тихи, светлы, задумчивы,
Обуяны тоской.

Вечерний шепот августа
Почти совсем затих.
Заря синее густо.
Тягуче льется стих.

И крыши нахлобучены
На сонные дома,
Заборы подбоченились,
Как пьяные стоят.

И воздух холодеющий,
И небо пьет печаль.
На окна запотелые
Накинута вуаль.

И вечер растворяется
Во мглистые тона,
Знать ночь приближается,
Вот-вот придет она...

* * *

Тихая зимняя серость
Окутала душу мою.
Солнце не видно. Не верю
В этот покой поутру.

Едва пролетают снежинки,
Как будто бы рой мошкарья.
Замерли белые крыши.
И слезные окна скорбят.

Стихи не текут, и не слышу
Я шепота тайного снов,
Неужто не видит Всевышний...
За что убивают любовь.

А племя младое бесится,
И все-то ему нипочем.
Зимушка, что тебе снится?
То старость седая косится...
То «лихо» идет напролом.

* * *

Радоваться солнцу и дождю,
И грустить осеннюю порою...
Ну и пусть похвал я не дождусь,
Пусть меня в сыру землЮ зарюют...
Может кто-то есть еще на свете,
Кто в грядущем вспомнит обо мне.
Что вот жил такой мужик «с приветом»,
Выл, как пес, при сумрачной луне...

* * *

Золото осень с собой унесла,
Злая зима с серебром улетела.
Вот и снова, и снова — весна!
Теплых и солнечных дней захотелось.
Не ты ли, Весна, вдохновенье приносишь,
Солнца лучи рассыпаешь и крошишь.
За что и преемлю я солнечный свет!
... Но горькое счастье любить без ответа.
За что же ты, Боже, придумал все это?
Но я не ропщу и люблю чудо света,
Разлитое в лужах, вверху — в синеве.
Все то, что в весенних, обычных приметах
Все бредит и бредит с тоской о тебе...

* * *

Пронзенный ветром
Онемею.
Застынет в жилах кровь
Апреля.
Черемух запах
На похмелье —
И рухну в небо
Обгорелый...
А где-то в глубокой
Глуби.
В проклятьях распятой
Души,
Кто-то тихо прошепчет:
— Любит!
На секунду тоску
Приглушив.

Прощание с летом

Я уже не тот, что был весной.
Лето пролетело и прошли дожди.
Солнечные клены обагрились хною.
Разноцветно-кроткий вечер, подожди!..
Теплым нахлынуло —
Бархатно-летним,
Радуйся мигом последним и светлым!
Уходят, прощаясь со мной, вечера...
Душа, онемевшая и обгоревшая,
Ноет счастье, что было вчера.
Вот дождь ниоткуда — опять моросит.
Поплакал, поплакал и снова молчит.
Луч солнца пробился, и туча ушла.
И крыша сверкает — аж режет глаза!
И я оживаю. И душу трясу:
— Вставай! И не кисни!
Давай поднесу!
Стопочку водочки или винца?
Это мы можем — отправим гонца.
Или ты хочешь золотую звезду?
Чтобы горела, сверкая во лбу!
Путь освещая, сжигая мозги,
Солнце скатилось...
Не видно ни зги...

Поминальное

Солнце алое вставало,
Да сглазило.
Появляясь из-за леса —
Повеса!
То ли ночью мне приснилось?
Поблазнило...
Ураган-листобой
Бесится...
И любить, и страдать —
Назначение...
Не любить, не страдать —
Отречение...
По оборкам, по кромкам —
По пустоши.
От ворот поворот —
На-ко выкушай!
Ты не зять и не кум,
Не начальничек.
Сыр да бор,
Да не шум —
Поминальничек...
Ты забудь, пропади
Среди ярости...
Ты себя сбереги —
Для старости.
Ум за разум зашел —
Ненависть.

Пошел вон, козел
Мелочный.
Пить вино
И зевать,
Любить девочек.
Поцелуй!
Задохнись —
Мало воздуха!
Ты вернись,
Очнись!
На свободу бы...
Завертела жизнь...
Нету продыху...
Под расстрел —
Любя!
Злее ворога...
Я устал
Средь дня...
Был ли
Вором я?
Я упал ничком
В осень желтую...
Грустным стогом
Стал.
Ты иголкой...

* * *

Все было?
Или не было?
И будет ли уже?
Уже полсотни минуло...
И где ж ручьи шумливые?
Где жаворонки в небе?
Милые...
Но ты крепись!
И не сдавайся!
Верь, мой друг!
К природе обратись,
Прислушайся к ее дыханью...
И слившись с нею,
Помолись...
Промолви заклинанье...
И жди...
И сердце радостью
Взвьется вдруг,
Когда в округе
И в тебе
Негромко зазвенит
Единый звук...

* * *

Лежу, распластанный болезнью.
В висках стучит безумства плоть.
Лишь только я глаза закрою —
Лечу стремительно за горизонт.
Лечу над шаровидностью планеты,
Все устремляясь вдаль и вдаль.
Как хочется увидеть вето —
Там, впереди, светящуюся где-то
Другим невидимую грань.
Может я улечу в никуда,
А может в янтарный город?
Где солнце вполне
И над ним синева,
Да рубашки распахнутый ворот.
Где сыплется бисер,
Просеянный густо.
Из кудлатых седых облаков
И, коснувшись земли ожидаемым гостем,
Прослезится, скатившись
С листы серебром.

* * *

Пойду я лечиться
От тяжких недугов,
Что на сердце
Камнем ввалились...
Пойду я в луга,
Где полынь да осока,
Где растут шишебарки,
Где клевер цветет,
Где белеет овсяное поле широко,
Где стаи грачей поднимаются с граем.
Где хмурится небо.
Где солнышку рад,
Где березки, прижавшись
Друг к другу, стоят.
Где в детстве родник протекал,
А теперь высыхает.
Зарастает травой —
Камышом, чередюю.
Мне не быть молодым...
Но душа молодеет на воле,
Когда вижу родное,
Знакомое с болью...
Может жить захочу,
Научусь улыбаться.
И недругу твердо
В глаза загляну.
Пойду я лечиться от тяжких недугов,
Туда — к незабудкам,

На склоне крутом,
Где ветер свободный
Играет листом,
Где звездное небо при ясной луне,
Где цветы из травы улыбаются мне.

* * *

Уж апрельское солнце не греет.
Уж походка шуршит об асфальт,
Но безумное сердце немеет,
Когда вижу синеющей даль.
Слова, что шумный ливень по весне,
Шумят, бурлят расплавленным металлом,
Глазеют клетки на истерзанном листе.
Рука немая. На душе усталость.
Лишь пепельный ветер играет хвостом.
Лишь серые волны блестят серебром.
Да синее небо — холодный простор,
Да грустью наполнен ласковый взор.

* * *

Я бреду сквозь полночь,
Сквозь луга в снегах.
Месяц козерогий
Звезд пасет стада.
Ходят, бродят "звери"
В небесной синеве.
А звезда иная
Подмигивает мне...
Светит, но не греет,
Лишь манит, манит.
Мне не удержаться —
Вот-вот соблазнит...

* * *

О, Боже! Как сверкает солнце!
И вдоль дороги снег:
Глаза не смотрят — больно!
Синеют пашни, дальний лес!
Звенит лазурью небо звонко!
И желты ветви тополей!
Пришла весна!
Сороки громко
Стрекочут на березах у полей.
Народ пока что думой зимней
Живет, судачит — что почем?
— До летних далеко до ливней.
Когда еще подымет
Подножный корм...

* * *

Зимний холод. Утро. Фонари.
Снег искрится, звездам подражая.
Небо темно-синее вдали.
Встает рассвет.
Надежды пробуждает.
Бодрит морозец,
Щиплет уши,
И нос, и щеки покусав.
Аж холод проникает в души.
Льдом обрастает непокорный нрав.
Чу! Звон в ночи —
Раздался запоздалый.
То не бокалы хрусталя звенят...
То ледяные брызги бала
Судачат в небе про меня...
Зимний холод.
Утро.
Фонари.
Снег искрится,
Звездам подражая.
Небо темно-синее.
Вдали
Рассвет встает.
Надежды угасают...

Звезда небесная

Стояла осень на дворе,
Все как обычно — в сентябре
То серо, холодно, дождливо,
А то сверкает день на диво!
То золотом берез,
А то лазурью в вышине.
На солнце глянешь — и до слез
Свет резанет!
Идешь во мгле...
Глаза зажмуришь —
Ты светишься во тьме.
Свет притягательный, но холодный.
Не согреваешь — тянешь лишь.
Из дали темной и громадной
Зовешь на небо и манишь.
Но там луна.
И чувства стынут.
Мертвеет сердце.
Тело — тлен.
Неужто дьявол страсти вынул?
Вкусив запретной крови вен...

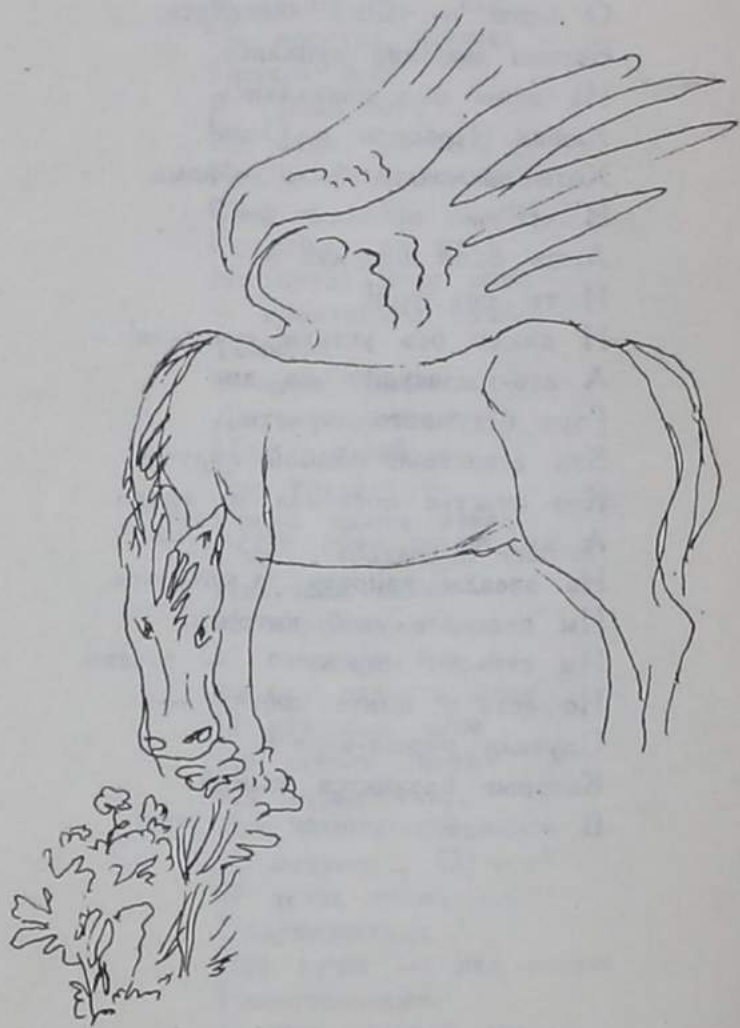

* * *

Ты явилась мне
В беспокойном сне...
Не простая, земная —
Прекрасная!
Я такую тебя
Не видал во век!
Как я счастлив был!
Миф с небес сходил...
Снизолет до меня
Не средь бела дня,
А кромешною ночью
Темною.
В мире Космоса
Да всеогромного
Мы с тобой —
Две звезды —
Среди малых звезд
Свет астральный, святой
Излучаем всем.
И мерцаем мы,
И сверкаем мы —
Людам радость даем
И надежды льем
Из глубин синевы
Из космических...
Так летаем вдвоем
И мечтаем... О чем?
О делах своих —
Спиритических...
Две души — две искры
Непотушенных,
Словно яблочка два —
Понадкушенных...

Пияты

А волны Эгейского моря
О берег песчаный ласкались,
Богини морские купались,
Из пены они появлялись.
Любви, Красоты и Огня!
Хоть время то было — зима.
И что же приносит она?
Лишь один поцелуй —
И ты без ума!
И днями без усталости счастлив!
А кто-то осушит до дна
Горя безумного страсти...
Кто завистью, злобой окружен,
Кто счастье поставил на грош.
А кто-то на небо отучен —
На звезды взирать за полночь.
Им ведомы судеб интриги,
Им страсти мирские — пустяк.
Но есть у пияты костяк —
Опутали вирши-вериги,
Которые блазнятся книгой.
В веках остающихся — чтят!

* * *

Соловьи, соловьи
И апрель.
Не поет,
Не играет свирель.
Седина, серебро.
Серенады.
Отзвенела под окнами трель.
Небеса с голубою каймою.
Черный дым из трубы в синеву.
Свет в окошке.
За черной стеною.
Зов вечерней зари поднесу.
Седина, серебро.
Серенады.
Заморозила душу зима.
Лишь закрою глаза —
Замираю —
Наважденьем приходит Весна!

* * *

Ты с ума сошла,
Погода майская?
Туча черная пришла
Не с добром, не райская.
Ветер лихо закрутил, дерзко.
Воровским, нахальным стал, мерзким,
Рвет, метет песком,
Нервно бьет в лицо,
Землю вихрем несет,
Среди бела дня идет,
Никого не боясь, не стесняется,
Волей вольною наслаждается.
Во хмельном пиру да во сиреневом...
Не дай бог кому — быть простреленным...
Среди зелени весной,
Среди белой черемухи...
Мама, мама, ты мне спой,
Но не крик, не вой,
Не надрывное по мне причитание...
А о девушке молодой
Да о горьком с ней расставании...

* * *

Вечер божественно
Чист и отраден,
Избы вполглаза
Глядят из кустов.
Сирени букет
Дивится, немеет.
В небе светлынь
Он чеканно наряжен.
Застыло мгновенье...
Аукнуть не смеет
Глядя на стайку
Девчат-сорванцов.

Расплакалась осень

Расплакалась осень...
Давно не мочило,
Все солнечно было,
Сухой листопад.
К обеду заныло.
Закуксилось небо,
Седой пеленой затянуло.
Закапало было.
Хоть робко, но все же
Потом разошлось.
И пошло, и поехало,
И полило.
Как из ведра.
И поплыло.
Всю осень не было.
Думали — кончилась
В небе вода.
Нет, не кончилась,
А накопилась.
Мочит и мочит —
Нету конца.
Думаем —
— Вот так прорвало!
Осень, так осень.
Все лето мочило —
Откуда вода?
К вечеру кончилось.
Идем по асфальту —

Кто зонтик забыл,
Тот особенно рад.
Расплакалась осень...
Сыростью крыш запестрила.
Старому телу невмочь...
Молодость грешная перехитрила —
Держалась, держалась...
Но сорвалась —
И проревела всю ночь...

7.05.96.

Горь и сны

ТЫ КИСТЬ В ЦВЕТ
 ВЕЧЕРНЕЙ ЗАРИ ОКУНИ,
 И НАРИСЧЬ ТО, ЧТО
 БОГУ УГОДНО...
 ВСЁ СТАРМОНИРУЙ,
 ЛЮБОВЬ ПРОВОДИ.
 И ДЕЙСТВУЙ С ДУШОЮ
 СВОБОДНОЙ.
 КОПНИ ИЗ ГЛУБИН -
 КТО МЫ? ОТКУДА?
 / КУДА МЫ ИДЕМ? /
 ВСЕ ЦЕННОСТИ НАШИ
 ХРАНЯ...
 И ТРЕПЕТНО ЦАРСТВУЙ!
 РОЖДЕНИЕ ЧУДА
 ВЗОБЬЕТСЯ В ОГНЕ
 ВОДХОВЕННОМ ГОРЯ!
 ДЫХАНЬЕМ НАПОЛНИ
 ПРОСТРАНСТВА КАРТИН!

ДУХОВНЫМ! НЕБЕСНЫМ! ЗЕМНЫМ!
 ЧТОБ ГРЕЗИЛОСЬ КАЖДОМУ, КТО НЕТЕР-
 ЛИМ - КО ЗЛУ, ДИКТАРНЫМ, К СЕРОСТИ
 ЗИМ,

Песня ЧТОБ ГРЕЗИЛОСЬ ВЕЧНО ЦВЕТЕНЬЕ ВЕСНЫ!
 ЧТОБ ЛЮДЯМ ХВАТАЛО ТЕПЛА!
 ЧТОБ ДУШИ НЕМЫЕ ЛЕЧИЛИ ОНИ...
 И ЧТОБЫ ПОЭТАМ ВОЗДАЛИ ШЛОТНА...

И явил Бог Христа людям. И принес его в жертву...

Чтобы был нам пример, и чтобы вселить каплю надежды на справедливость в этом страшном, жестоком и злом мире — в мире людей, но в большей степени еще животных. «Распни его!» — кричали они о Христе...

Не доросли они до понимания Богочеловека...

До его Совести, до его Морали, до его Нравственности, до его Любви, до его Доброты...

Но не погибла всеземная, всечеловеческая память о прекрасном Человеке! Этот пример всегда будет светить и согревать всех устремленных к нему людей!

24. 04. 97 г.

Мои стихи — это не средство удивить кого-то из шадринских литераторов, это и не претензия на академическое стихосложение. Это просто попытка передать свои искренние чувства и мысли доступными мне средствами. Я не сочинял стихи специально, не терзался в муках творчества. Они приходили ко мне сами, откуда-то свыше, и я просто успевал записывать их...

24. 04. 97 г.

Святая Русь

По всей Руси великой
Я святость по крупицам собирал.
И в храмах Лавры побывал,
Что древний Киев создавал —
На берегах Днепра — золотые купола!
В яру, в пещерах ползал я
По лабиринтам, по монашеским ходам.
К святым мощам я припадал
И по святым местам бродил —
В пустые храмы заходил,
Мозаики и фрески изучал,
Любуясь красотой.
Художник это чудо рисовал
С чистою и скромною душою.
О Русь! Ростов Великий!
Углич! Кострома!
Иль Переславль-Залесский!
Святая Русь! Лесная сторона!
Где бродит леший...
Да писатель Пришвин...
Иль Псков! Где Пушкин проскакал.
Где Блок бродил — Шахматово прославил.
Поэт Некрасов — там под Ярославлем —
В Карабихе стихи слагал.
О, Русь! Ты Родина моя!
Мне Бог тебя с любовью дал!
И чтоб нам Родину понять —
Три слова надо вспоминать:
Любовь. Россия. Святость...
Любовь к любимой!
К матери! К Руси!
Святой Душою к Богу принеси!

Святая Русь и Белая Церковь...

Стоит церквушка

Сверкнет на солнце жаркое жнивье,
Как золотом украшены березы.
И это небо синее, мое,
Осеннее. Нахмурилось. Тревожно...
И сжалось сердце в тяжелой немоте.
Передо мной предстал пейзаж унылый.
Стоит церквушка в русской красоте.
Все так знакомо. Больно. Мило.
С одинокой тоскою глазниц
Окна смотрят и слезно и пусто.
Упадешь пред красавицей ниц.
Отчего же так, думаешь, грустно?
Не от той ли в сердцах пустоты
Все глаза наши злобой затмило?
Мы не видим такой красоты,
Оттого и с душой онемелой.
Мы не верим ни в Бога, ни в черта.
По душе лишь монетные звоны.
Как цепные вонючие псы
Мы друг друга загрызти готовы.
Отличаем таких за версту,
Где глаза — беспросветные ямы.
Растеряли мы честь, доброту.
Люди, вспомните, где же мы с вами?
Не в аду ли? Нет, на грешной земле мы,
Где единственная жизнь и коротка.
Так давайте же жить по заветам —
По Христовым — с любовью и кротко...

Душа народная

Наш Бог един в лице природы —
Издревле верила Святая Русь...
Но рабство и богатство перессорили народы...
Предвидеть можно жизнь,
Но не берусь.
Теперь у каждого свой Бог!
Ему поклоны бьем и страстно молим,
Чтоб освещал звездою жизни путь...
Себя мы мучаем. Неволим.
Стараясь в рамки запихнуть.
Прощай свобода! Равенство! И братство!
Страдать народам всей Земли...
У нас теперь «чужие Боги» —
Дружить нельзя — нарушим святотатство...
...Но русские князья переломить смогли
Народ своей силой...
Построили чертоги, храмы.
Из-за моря иконы привезли.
И стали лоб крестить.
И наживать богатство...
Согнали бедный люд
До кучи — в рабство,
Чтобы смирились и трудились,
В поте спины гнули,
Питаясь корочкой одной.
А если кто-то недовольный —
Жулик — кнута получит

Иль кутузки холодной...
А где же Бог?
Всевидящий и зрячий?
И чьи теперь законы защитит?
Так было, есть и будет дальше —
Пока народ горбатится, молчит...
Нет справедливости на свете —
Да и не будет, видно, никогда...
Смиряться нечего, в ответе
Пусть будет каждому — своя душа!

Душа блуждает

Мы равны Богу в устремленьях.
Хотя мы часть Вселенной той...
Что в окружении простерлась,
Где бездна памяти в душе пустой.
Во тьму веков летать мы не умеем.
Лишь научились в космос запускать
Ракеты, спутники.
От гордости немеет —
У нас их много — тысячная рать.
Мы все стремимся как бы дальше —
От человека... От земли умчать.
В заоблачные выси. На планеты.
Других бы в чем-то обскакать.
Но суть ли в этом? И резон?
В богатстве ль? В нищете?
В болезнях? Рознь...
Подумать страшно, как живем!
Кто воспротивится да шапку оземь?
Объединенье сил и знаний —
О Высшем Разуме — небесном и земном.
Материей мы душу раним,
Где нет идеи — там залом.
К духовности, к Душе стремитесь!
Нам путь лежит один —
Через Любовь ко ближнему, во всем —
Тогда мы точно победим!
И дьявола и черта с упырями!

С нечистой силой скрестим меч!
Колдуний разных с их друзьями!
И сможем души уберечь!
Душа чиста, душа богата,
Душа должна любить и греть!
Не надо серебра и злата —
С душой б святою умереть...
Она потом, блуждая в мире,
Должна найти себе приют...
И чем открытее и шире
Души стремленье, тем дают
Счастливей новый путь пройти
И с верой Бога обрести!

К храму

К храму спешу...
И люблюсь и трепещу.
На крыльцо поднимаюсь
И внутрь топочу.
Сжавшись от трусости,
Дальше лечу.
Вижу народ — шеренгами в ряд,
Возле Иисуса — свечи горят.
Колышется пламя, на лицах играя.
Опущены веки, глаза не сверкают.
Смиранный поклон непокорной главы
И крест осеняет заблудшие лбы...
Душу тревожит торжественный бас —
— Всевышний с небес спускается в Вас!
И сладостно-грустный плавится хор.
На пламя свечей устремляется взор.
Это душа человека горит —
Путь освещает и радость дарит.
— Богу-у-у помолимся-я-я, —
Дьякон басит.
И люди склоняются, крест наложив.
Каждый любовью себя сбережет,
Душу откроет и к Богу прильнет.
И пожалеет себя и родных,
Выйдет из храма блаженней иных...
Отец Володимир о вере твердит,
Все прегрешения наши простит.
Если помолимся и Бога почтим,

Бог со мной

Мне в этой жизни жить осталось,
Не думая и не гадая ни о чем,
Быть может самая, быть может малость...
Остаток жизни в святость обречем.
Ну, что ж, потерпим и попримечаем
На живом примере за собой.
То ли мало мы от нехристей страдали?
Пострадаем и теперь... И Бог со мной...
А если трудно будет заповеди несть?
Когда другие наплевать хотели...
Зато воздадутся и честь,
В другой-то жизни... Чего мы не имели...
И наши предки тоже были с Богом.
Неужто им была любовь нужней?
Мы же себялюбцы-менестрели,
Гимны о себе любимом — слабость...
Если мы пока не озверели
И косточка людская нам не сладость?
Воздайте жизни праведной сполна,
Человече, обратимся к Богу!
Чтоб не чинил соблазны Сатана...
Чтобы выйти нам на светлую дорогу!

Мир мыслей
и чувств сокровенных
витают в пространстве астральном.

И холод любви переменный,
и ангел-хранитель страдальный.

Божественен облик Марии.
Задумчиво держит Христа...

Как матери сына —
~~Мессию~~ Мессию
сберечь от лихого креста?

896 г. 2

Несение креста

Лето бродит в знойных грозах,
Гром бурчит чиновно-зло.
Свет обманчив и тревожен...
Будто небо распоров
На траурные лоскутины,
Смерть идет на именины.
Где тяжесть ноши неспроста
От православного креста...
Кому за что,
Кто в чем виновен —
Всевышнему всегда видней.
За страх, за лихо,
За невинность...
Иному за неблагодать.
Кому за что
Кто в чем повинен...
Попробуй боль свою отдать.
Кому-то выреветь, открыть.
Иль чьи-то откровенья позабыть..

* * *

Астральным золотом залито
Лицо Марии и Христа.
Прощаются...
Сверкают гвозди...
Иезуиты
Готовят плахи для креста...

3/1095
2

Страшный суд — Божий суд...

Но партократы отвергли Бога. И пошло, поехало — все дозволено...

Рай на земле для одних себя решили сделать — коммунизм для коммунистов. «Но если Бога действительно нет, то никакого Рая и Ада не будет и потом, после смерти. Поэтому — Дашь Рай и Ад тут на земле!» — решили они.

...Но как сделать по справедливости?

Когда всего на всех не хватает... То одежды, то еды, то крыши над головой... А теперь вот — денег...

...Вот и полезли современные российские капиталисты завоевывать себе место под солнцем. Начали хапать да грести под себя самые хитрые да самые подлые, используя для этого — и ложь, и демагогию, и коллективный эгоизм бандократической власти...

И даже оружие...

6. 04. 96 г.

Высшее назначение человека — творить!

Если же нет творчества, то нет и творца, а значит, и богочеловека. Остается одно животное начало, живущее для живота, для пуза своего,.. Для размножения...

Люди, опускающиеся до животного состояния, и ведут себя в соответствии с этим положением, то есть по-скотски и по-хамски, нагло признавая за собой единственное и верное поведение.

18. 04. 96 г.

* * *

Памяти И. Бродского

Суета сует
Во крошечной тьме.
День в крови...
Вечер — в похоти...
Нет житья
На российской земле,
Где затравлены поэты...
Да раздавлены...
Походя!
Мир души нашей русской
Повывернут...
Потроха, навоз —
Все наружи —
На!
Помолись,
Очнись
Дикий сюр — Дали́...
Утонуть в дерьме —
Дело плевое.
Можно вынырнуть.
Пасть разинь —
Огрызись!
Злоба лютая...
Зевотой подавись.
Да иди ты!
Заткнись!
О душе забудь...

Пресловутая,
Да ненужная...
Время звона
Монет —
Успевай хватай!
А на нет —
Суда нет...
Зазывай Христа!
Обнаружишь ли?

Трубящий ангел

Жил Ангел. Был личностью.
Известно —
У нас таких не любят...
Дерьмо и власть их первые загубят...
Жил не тужил. Был не повеса.
Всю жизнь трубил, трубил
Он в лагере советском...
Его, конечно, Сталин наградил...
Не орденом — горбом заметным.
За то, что о свободе грезил...
Везде, всегда и повсеместно.
И дожил! Вот она Свобода!
Как «за бугром», в капитализме тесном.
Да, правда, не для всех,
Не для всего народа...
Для избранных — вверху
Да чуть внизу — у самого порога...
Опять ему трубить на шайку местну...
Кругом бардак. Все хапают и тащат.
Никто трубить не хочет.
Всем известно,
Что праведным трудом
Не разживешься креслом...
Кому охота горб растить?
Лелея о полете, крыльям льстить.
Кому охота спину гнуть?
Когда в мечтах — иметь свой кнут...
А кавардак идет...
И некого прощать.
Где каждый врет,
Желая просвещать...

Падера

Мы вроде как-то выжили...
Уж пятилетку прожили.
Не умерли. Не вымерли.
Но все еще страшат,
Хужее обещают:
— Что как бы хуже не было...
Куда уж хуже этого —
Живем в кошмаре «бековом».
И в диком беспределе.
Давай мели Емеля —
Пришла твоя неделя.
Всего навалом в рыночной,
В России разбазаренной...
Хурма и виноград —
И все — как на парад.
И все почти задаром —
Не хочешь — не бери.
По десять «штук» за пару.
Себя благодари.
Бананы, апельсины,
Где север был — стал юг.
Не жизнь пошла — малина,
Ну, точно, как в раю.
И в дом заходят гости
Не жданы, не званы...
И пьем, и гложем кости,
Жиреем до отвалу...
На улице пурга

Ива - картина иконописца и т.п. 15.12.95
281

Да снежные бураны.
Беснуются с утра
Да по окну таранят.
И день февральский скис,
И серебром сереет.
И падеры завис
Вихорь оголтелый.
Опутана, окручена
Душа до посинения...
И на сердце кручинушка —
До остервенения...

* * *

Как давит зной...
Как тошно жить...
В заложниках у быдла...
Лежишь с больною головой,
Ни друга рядом — жизнь обрыдла.
Довлеет немо день за днем,
В поту лицо или в слезах?
И черное предчувствие...
Иду впотьмах —
В глазах темно,
И рядом зло — как выстрел...
И ливень нежный не приходит,
Никак не разродиться тьме...
Сочувствую, что немота подводит.
Кричи! Ори! Безумствуй при луне!
Наутро встанешь — та же сушь.
Ни капли влаги на сухой земле.
На небе — морок, а в деревне — глушь...
А стих, как враг, вечерами
Крадется иногда ко мне.

Российский солдат

Падает,
Падает,
Падает снег.
Пуховым платочком ложится.
Падает,
Падает,
Падает снег.
И тихо и плавно кружится.
... А где-то черно от чада и дыма.
Где-то война...
Снарядов разрывы.
Падает мертвый солдат...
Падает,
Падает,
Может твой брат?
От пули своих ли? Чужих?
Во тьме не поймешь...
В той круговерти российско-кавказской,
Где главари, словно псы из-за кости
Горло друг другу грызут на погосте.
За что умирают российские парни?
Они же совсем пацаны.
Едва ль целовались.
Родиной призваны в армию.
В розовом сне не увидят невест,
И матерей...
Думали все:
— Отслужат России

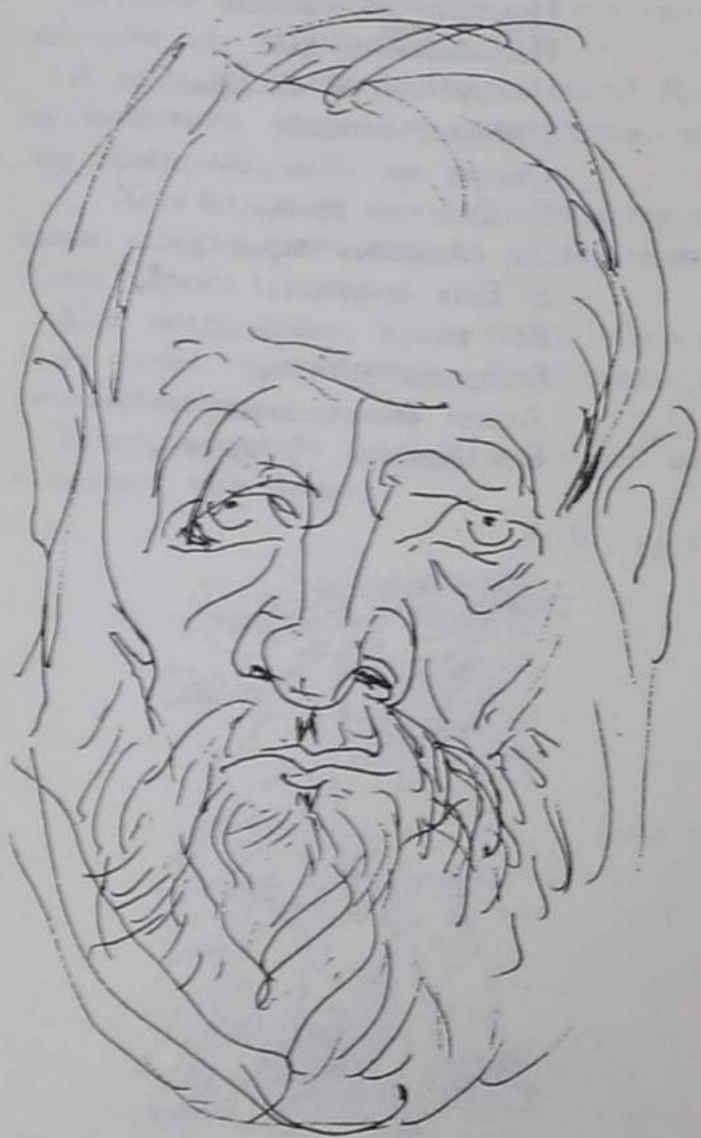

И будут бравей,
И взрослей, красивей,
Вернутся домой,
Полюбят, поженятся
И будут растить сыновей...
Но это лишь сон.
А теперь уже смерть...
Больше не будут улыбки звенеть.
Гудёт по России траурный стон...
Но генералы: «Ни шагу назад!
И только вперед!
И не смей отступать!
Мы на войне!
Приказ выполнять!
Не обсуждать!
Мать, твою, перемать!»
— Кто мы такие?
Мы «сошка», мы «червь»,
Нас нет перед ними,
Для них мы дерьмо,
Душою, сознанием твоим
Они завладели давно.
Ты должен,
Обязан.
По струнке стоять.
И верить.
И ждать,
Когда за тебя все обдумает «тать».
Которые правят в России теперь.

Им подчиняйся,
Не думай
И верь.
Ворье и «паханы» —
Безумная рать —
Всех подчинили хамье, партократь.
Пусть умирает российский пацан —
Им наплевать,
Набить бы карман.
Плюньте в лицо жиреющим псам
Иль автомат разверните назад...
Российский солдат!
Российский солдат,
За что ты воюешь?
Идешь убивать...
И смерть принимаешь,
Заснув навсегда...
Лишь воет над гробом
Солдатская мать.

* * *

Ты за что так мучаешь,
Жизнь моя, меня?
Ты меня не слушаешь.
Потерял отрадное я...
Что со мною делаешь,
Душу изводя?
Музыку дешевую
Завела ты зря...
Что-то мне не пляшется,
Не поется мне...
Кулаками машется —
Не в своем уме.
Задавила "шүшера" —
Растерзать готов...
Распинали Шурика...
Спецназ большевиков.
Дилетанты гнусные
Правят бал в стране...
Оттого и грустные
Мысли в голове.
Да ворье хапучее
Норовит урвать,
Воронье вонючее
Налетело жрать.
Падали достаточно —
Тут идет война...
Дурик, распечатывай
Кошелек сполна!

Поделись ворованным.
Награбленного дай!
На рублики и доллары.
Цыганка, погадай!
Съезжу на «Канары» ли?
В Думу ли пробьюсь?
За «Лимоны» барин я —
У Бога откуплюсь!
Все теперь позволено...
Беспредел во всем.
Людам обездоленным —
Без Христа... С крестом...

Неужели весь смысл жизни — это противостояние злу и насилию?

А когда же заниматься творчеством? Когда выкраивать время для утверждения, что мир прекрасен?

... Хотя на самом деле он развивается по своим, страшно диким законам — по законам Хаоса, Драмы, Безумия...

Мир людей всегда был и всегда, видимо, будет диким, эгоистическим, сумасшедшим и античеловеческим...

Только искусство вечно. Только оно неподвластно мракобесию.

6. 05. 97 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Извечная загадка русской души.....	3
Путь мой — воля Господа.....	10
Порой так чудно	13
«Небо россыпью...».....	15
Бабье лето.....	16
Листопад.....	19
Предосеннее.....	20
«Тихая зимняя серость...».....	21
«Радоваться солнцу и дождю...».....	21
«Золото осень с собой унесла...».....	22
«Пронзенный ветром...».....	22
Прощание с летом.....	23
Поминальное.....	24
«Все было?».....	27
«Лежу, распластаный болезнью...».....	29
«Пойду я лечиться...».....	30
«Уж апрельское солнце не греет...».....	31
«Я бреду сквозь полночь...».....	32
«О, Боже! Как сверкает солнце!...».....	32
«Зимний холод. Утро. Фонари...».....	33
Звезда небесная.....	34
«Ты явилась мне...».....	36
Пииты.....	37
«Соловьи, соловьи...».....	39
«Ты с ума сошла...».....	40
«Вечер божественно...».....	41
Расплакалась осень.....	42
Путь к себе.....	45

«И явил Бог Христа людям...».....	46
Святая Русь	48
Стоит церквушка.....	50
Душа народная.....	51
Душа блуждает.....	53
К храму.....	55
Бог со мной.....	58
«Мир мыслей и чувств сокровенных...».....	61
Несение креста.....	62
«Астральным золотом залито...».....	62
«Страшный суд — Божий суд...».....	64
Суэта сует	66
Трубящий ангел.....	69
Падера.....	70
«Как давит зной...».....	73
Российский солдат.....	74
«Ты за что так мучаешь...».....	78
«Неужели весь смысл жизни...».....	81

Алексей Андреевич Мехонцев

УСТРЕМЛЕНИЕ

Стихи

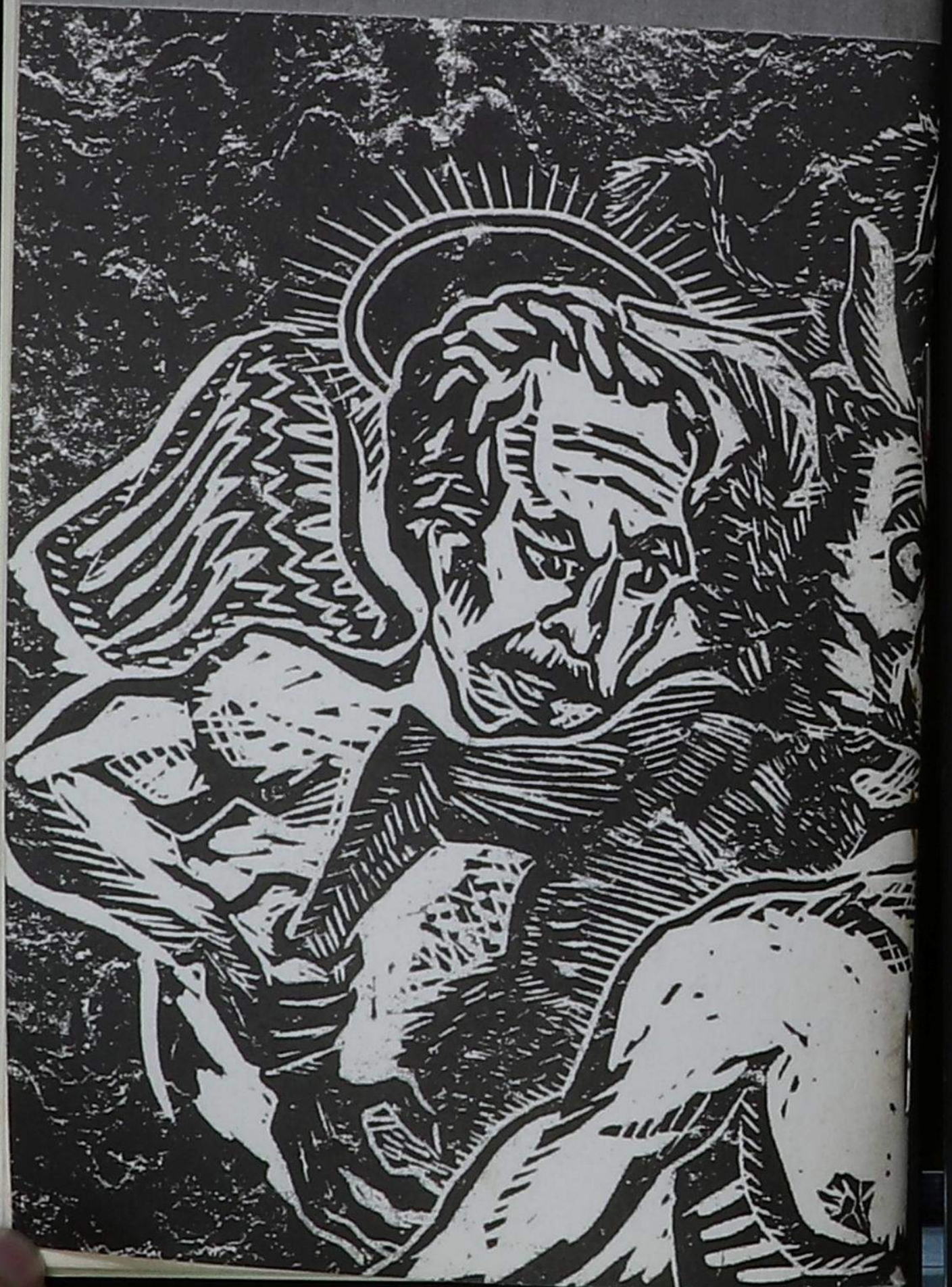
Редактор и художественное
оформление — А. А. Мехонцев.
Корректор — Т. А. Камышева.

Лицензия ЛР № 010124 от 23.12.96 г.

Сдано в набор 25.04.97. Подписано в печать 16.06.97.
Формат 60x84¹/₁₆. Бумага писчая. Гарнитура "Академия".
Печать офсетная. Усл. печ. л. 4,89. Уч.-изд. л. 5,81.
Тираж 1000 экз. Заказ № 1134.

Издательство Шадринского ПО "Исеть", 641800,
г. Шадринск, ул. Спартака, 6.

Отпечатано в Шадринской типографии ПО "Исеть"
комитета по печати и средствам массовой информации
администрации Курганской обл., 641800, г. Шадринск,
ул. Спартака, 6.

Алексей
Мехонцев

Устремление

